

© Е.П. Мартынова

АБОРИГЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СЕВЕРНОМ ПРИОБЬЕ

В статье рассматривается история появления и развития предпринимательства в Северном Приобье среди ненцев, хантов и манси. Автор называет его аборигенным и указывает, что понимает его как экономическую деятельность, приносящую прибыль от выполнения работ, связанных непосредственно с традиционными отраслями хозяйства коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС) или от продажи продукции этих отраслей. Источниковой базой послужили полевые материалы автора, полученные в ходе многолетних полевых исследований (2000, 2002, 2003, 2008, 2011, 2013, 2017 гг.) в разных районах ХМАО-Югры и ЯНАО.

Представленные в статье материалы показывают, что в Северном Приобье развиваются два вида аборигенного предпринимательства – институциональное и неформальное. Первое представлено общинами КМНС (родовыми или национальными) и фермерскими крестьянскими хозяйствами. В их организации заметна социальная направленность: общины, прежде всего, являются местом работы для рыболовов и оленеводов. Общинное предпринимательство поддерживаются органами власти на окружном и районном уровне через систему субсидий и грантов. Доходы большинства общинников невелики, что вынуждает их искать дополнительные возможности для заработка. Структура общин КМНС во многом основывается на родственных связях.

Неформальное аборигенное предпринимательство стихийно возникло в кризисные 1990-е годы и до сих пор не сдает своих позиций, поскольку обеспечивает основной доход семьям оленеводов-частников и рыболовов. В результате такого аборигенного бизнеса формируются довольно устойчивые клиентские сети, способствующие социальной интеграции местных сообществ. Такое предпринимательство приносит более высокие доходы, по сравнению с узаконенным формальным, несмотря на отсутствие поддержки «сверху» от властей. Это во многом способствует его устойчивости в северных суровых условиях, где рынок сбыта невелик. Риск быть обманутыми не является препятствием для развития подобного бизнеса.

Границы между институциональной и неформальной экономикой на Севере проницаемы и подвижны. Оленевод-частник может быть членом родовой общины, а после выполнения минимальной нормы сдачи продукции тра-

---

Мартынова Елена Петровна – д.и.н., профессор кафедры истории и археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (Тула, проспект Ленина, 125). Эл. почта: ep_martynova@mail.ru. **Martynova Elena P.** – Tula State Pedagogical University (Russian Federation, Tula, Lenin Avenue, 125). E-mail: ep_martynova@mail.ru.

*Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

диционных отраслей выступать как самостоятельный бизнесмен, реализуя продукцию через своих клиентов или приезжих коммерсантов. То же самое можно сказать про членов рыболовецких общин. Переплетение институционального и неформального предпринимательства образует сложную сеть социально-экономического взаимодействия в местных сообществах.

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы Севера, аборигены, Северное Приобье, экономика, предпринимательство, родовые общины, сбыт продукции.*

Введение

К изучению арктического предпринимательства ученые обратились недавно. Анализируя этот специфичный феномен в северных регионах РФ, исследователи обратили внимание, что развиваясь в очень жестких внешних условиях, он имеет определенные особенности. Это императив на инновационный поиск, диалектика крупных организаций и малого бизнеса, социальная значимость, квазигосударственный характер деятельности (зависимость от государственной и муниципальной поддержки). Кроме того, рынок товаров и услуг в Арктике ограничен редкой сетью населенных пунктов (Пилясов, Замятина 2016). Особое место среди арктического предпринимательства занимает аборигенное, анализу которого посвящена данная статья. Под термином «аборигенное предпринимательство» автор понимает экономическую деятельность, приносящую прибыль от выполнения работ, связанных непосредственно с традиционными отраслями хозяйства коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС) или от продажи продукции этих отраслей. Источниковой базой послужили полевые материалы автора, полученные в ходе многолетних полевых исследований (2000, 2002, 2003, 2008, 2011, 2013, 2017 гг.) в разных районах ХМАО-Югры и ЯНАО. Этнографические данные собирались методами опроса и включенного наблюдения. Информантами выступали работники администраций муниципальных образований, сотрудники отделов по работе с коренным населением в районах, руководители общин, рыболовы, оленеводы. Анализ разных форм предпринимательской деятельности аборигенов Северного Приобья проводился с использованием методов экономической антропологии. Автор опирался на положения Н.К. Сирополиса, который рассматривает предпринимательство как институциональную силу, влияющую на развитие местных сообществ. Важнейшей стратегией развития местных сообществ, по его мнению, являются действия по устранению препятствий для предпринимательской деятельности (Сирополис 1997: 25).

В августе 2017 г. на Генеральной Ассамблее ООН был заслушан Доклад о предпринимательской деятельности коренных народов. (*Передовая практика и вызовы* 2017) В нем отмечалось, что существует «стереотипное мнение о том, что они (коренные народы – Е.М.) представляют собой препятствие на пути развития или что их экономическая деятельность не вносит вклад в экономику стран, в которых они проживают. Экономические модели деятельности коренных народов часто воспринимаются как расточительные с точки зрения ресурсов, обреченные на вымирание и «мешающие развитию» (*Передовая практика и вызовы* 2017: 11) В действительности это не так, поскольку традиционные отрасли хозяйства коренных народов Севера

ра играют значимую роль в экономике, хотя вклад аборигенных сообществ в экономику России и ее регионов пока не оценен и отсутствуют соответствующие данные.

Анализ фактических материалов, имеющихся в распоряжении автора, выявил две основные формы аборигенного предпринимательства, которые будут рассмотрены ниже.

Институциональное предпринимательство: фермерские хозяйства и общины

В 1990-е годы в ХМАО и ЯНАО стали создаваться общины, которые получили название «родовых». Рядом исследователей они оценивались как один из эффективных способов самоорганизации коренных малочисленных народов Севера в контексте воплощения идеи самоуправления и как шаг к самоопределению (*Сирина* 2010: 61–70; *Новикова* 2014: 229).

Однако, помимо стремления к самоуправлению и со-управлению ресурсами, в основе формирования общин коренных народов Севера лежали другие важные причины. Их появление во многом было обусловлено кризисом в экономике рубежа 1980–1990-х годов, который привел к падению производства на большинстве предприятий аграрно-промышленного комплекса страны. В таких условиях началась реорганизация колхозно-совхозной системы СССР. Ее направленность определили сторонники либеральных (буржуазных) преобразований. В основу аграрной политики государства легла идея перехода к рынку, началось создание новых субъектов хозяйствования на основе частной собственности на землю и имущество, т.е. переход к фермерским и крестьянским хозяйствам. Министр сельского хозяйства РФ (1999–2009 гг.) А.В. Гордеев заметил что тогда «разговоры о преимуществах крупных хозяйств считались чуть ли не крамольными, так как политический компас стоял на отметке “мелкотоварный сектор”» (*Гордеев* 2001: 7) Быстрыми темпами формировалась новая нормативно-правовая база: Закон «О земельной реформе» (1990 г.) установил институт частной собственности; Постановление правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» (1991 г.) предусматривало перерегистрацию всех коллективных хозяйств, независимо от эффективности их деятельности. Параллельно принимались законы и указы, регламентирующие предпринимательскую деятельность. Закон о предприятиях и предпринимательской деятельности (1990 г.) разрешил учреждать различные формы индивидуальной трудовой деятельности, частные предприятия, товарищества и т.д. Закон о крестьянском (фермерском) хозяйстве (1990 г.) гарантировал гражданам РФ право на создание и самостоятельную деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств. В итоге в 1990-е гг. повсеместно развернулся процесс создания фермерских хозяйств, число которых в России к началу 1994 г. достигло 270 тыс. (*Российский статистический ежегодник* 1994: 711–713). Северное Приобье не было исключением. Здесь, как и по всей стране, создавались фермерские хозяйства. Они получили распространение в пригодных для занятия земледелием, огородничеством районах ХМАО, в меньших масштабах в ЯНАО, и создавались они некоренными народами.

Среди коренного населения фермерских хозяйств организовывалось очень и очень мало. В качестве примера рассмотрим предпринимательскую деятельность П.А. Озелова в пос. Мужы Шурышкарского района ЯНАО, который в 1991 г. организовал крестьянское фермерское хозяйство «Хонрут». Основной сферой его деятельности было оленеводство. Петр Александрович оформил в аренду 350 тыс. га земли для пастбищ и арендовал 300 голов бывших совхозных оленей. В те времена это было довольно большое поголовье, поскольку в советские времена в личной

собственности у хантов Шурышкарского района было всего по несколько десятков животных. Оленеемкость пастбищ хантыйский бизнесмен оценивал в 1600 голов. К 1993 г. ему удалось увеличить поголовье оленей до 560 голов, которое к 2003 г. сократилось до 500. Выпасом оленей занимались родственники главы фермерского хозяйства (7 человек). Помимо оленеводства, фермерское хозяйство занималось выловом рыбы, сбором дикоросов, охотой. Выловленная рыба реализовывалась через рыбозавод. Деятельность «Хонрут» поддерживалась администрацией Шурышкарского района, поскольку районные власти видели и оценивали социальное значение такого предпринимательства. В условиях возникшей безработицы предоставление хотя бы семи рабочих мест было весьма ценным. Главной проблемой в деятельности фермерского хозяйства П.А. Озелов считал систему налогообложения, поскольку приходилось заниматься сложной бухгалтерской отчетностью.

Подобных предпринимателей среди КМНС в Шурышкарском районе ЯНАО было всего четверо. Помимо П.А. Озелова, бизнесом в сфере рыболовства занимался Г.Н. Конкин в дер. Анжигорт, также зарегистрировавший фермерское хозяйство. Стоит обратить внимание, что в первой волне предпринимателей КМНС района были две женщины, занимавшиеся пошивом одежды, обуви из шкур оленей и изготовлением сувенирной продукции. Можно утверждать, что малое предпринимательство в форме фермерских хозяйств не получило распространения среди коренных народов Севера. Причины этого можно увидеть в следующем – бюрократические барьеры в виде сложной финансовой отчетности, неразвитость информационной, консультативной, технической поддержки, а также отсутствие инициативы у большинства представителей КМНС. Все это сдерживало массовое развитие фермерских хозяйств среди аборигенов Нижнего Приобья.

Между тем распавшаяся колхозно-совхозная система привела к колоссальному росту безработицы в северных поселках. Остро стоял вопрос о том, какую альтернативу выдвинуть бывшим советским предприятиям агропромышленного комплекса. В северных регионах, в местах проживания и хозяйствования народов Севера, появилась идея о том, что наряду с фермерскими хозяйствами следует сформировать общины КМНС, которые станут преемниками государственных и колхозных оленеводческих, рыболовецких и промысловых хозяйств. Также предполагалось, что на начальной стадии общины будут выполнять функции госструктур по реализации программ для КМНС и одной из форм организации общественного самоуправления (Федорова 2010: 204).

Формирование общин происходило на основе различных законов и указов. Детальный анализ формирования законодательной базы в РФ по реализации самоуправления у северных аборигенов проведен Н.И. Новиковой (Новикова 2014: 229–234). В официальных документах общины КМНС называются «родовые», «национальные» или «общины коренных народов». Сегодня в соответствии с Законом «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2004 г.) они существуют как одна из особых форм хозяйственной деятельности КМНС. Как отмечает Н.И. Новикова, в законопроекте 2000 г. община рассматривалась как орган самоуправления, хозяйствования и владелец земли (Новикова 2014: 231), однако в законе от 2004 г. эта идея не нашла отражения. Нужно отметить активную роль в популяризации общинного движения Ассоциаций КМНС округов – «Ямал – потомкам!» и «Спасение Югры».

Первые общины в ХМАО появились в начале 1990-х годов. Указом Президента РФ от 22 апреля 1992 г. «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» в целях обеспечения законных прав и интересов этих народов, сохранения и развития традиционных форм хозяйства предусматривалось: а) выделение в местах их проживания территорий традиционного природопользования (ТПП); б) бесплатная передача пастбищ и угодий родовым общинам и семьям из числа малочисленных народов Севера в пожизненное наследуемое владение, либо в аренду; в) преимущественное право на заключение договоров и получения лицензий на использование возобновляемых природных ресурсов родовым общинам, семьям, отдельным представителям малочисленных народов Севера. Этот указ положил начало организации общин.

Более активно родовые общины создавались в Ханты-Мансийском округе. Е.Г. Федорова обратила внимание, что до конца 1990-х годов создание общин шло сверху: «Подбирали подходящего человека, готовили под него документы» (Федорова 2010: 204). Одной из первых и наиболее известной среди них была родовая община «Карым», созданная в 1993 г. в одноименном селе Кондинского района братьями Вахрушевыми. Община объединила несколько семей родных и двоюродных братьев, оформивших родовые угодья на общину в соответствии с «Положением о статусе родовых угодий ХМАО» 1992 г. Основными направлениями деятельности общины были охота, рыболовство, сбор грибов, ягод, орехов. Общину активно поддерживала администрация округа, благодаря чему она могла закупать транспортные средства и даже построить небольшой завод по переработке рыбной продукции. Деятельность родовой общины «Карым» оценивалась местными властями как успешная, ее члены уже в 1990-е годы имели достаточно высокий уровень благосостояния для сельского населения округа¹. Не менее успешно в 1990-е годы действовала община «Турупья» в селе Саранпауль Березовского района, специализирующаяся на рыболовстве и охоте. Об общинах Березовского района «Кимкьясуй», «СТАС» и др. писала Е.Г. Федорова (Федорова 2010).

В 1990 – начале 2000-х годов среди общественных деятелей ХМАО и ЯНАО, как и среди исследователей-этнологов, преобладали представления, что родовые общины создаются для возрождения и развития традиционных отраслей хозяйства коренных народов Севера, сохранения их традиционного образа жизни и культуры. Важным критерием образования общин было то обстоятельство, что они создавались на «исконных» землях этих народов, где их предки занимались традиционными отраслями хозяйства. Не менее значимым было и то, что имея организацию, аборигены могли отстаивать свои права на территории, на которые посягали нефтяники и газовики. Нужно отметить, что далеко не все одобряли создание родовых общин. В ходе полевых исследований в 2000 г. часто можно было услышать сетования хантов и манси: «Раньше нас в колхозы стогнали, а сейчас в общины». Главные опасения были относительно того, помогут ли общины в условиях рыночных отношений их членам поддерживать нормальный уровень жизни? Многие делали ставку на нелегальную и почти неконтролируемую в те времена продажу рыбы заезжим дельцам.

Общинное движение в ХМАО активизировалось в середине 2000-х годов. Сейчас в округе зарегистрировано и действуют около 50 общин КМНС. Большинство из них занимаются рыболовством, охотой и сбором дикоросов (ягод, грибов, орехов). На реализацию рыбы и мяса общины получают субсидии от районных вла-

¹ Об общине «Карым» см. также: Новикова 2014: 234.

стей. Система грантовой поддержки, активно развивающаяся в округе, позволяет организовать мощности по переработке продукции, закупать транспортные средства, развивать туристическое направление в деятельности. Например, община «Остяко-Вогульск» в пос. Шапша Ханты-Мансийского района организовала этнотуристическую базу, где гостей знакомят с традиционной культурой хантов, по желанию организуют любительскую рыбалку или охоту.

В ЯНАО родовые общины коренных народов появились, также как в ХМАО, в 1990-е годы. Общинное движение заметно активизировалось в середине 2000-х годов. Наибольшее число общин было зарегистрировано в 2008 г. – 75. По данным Реестра общин коренных малочисленных народов Севера, в них насчитывалось около 1000 человек. Число общинников в одной общине варьирует от 4 до 50 чел. Почти все общины заявили такие виды деятельности как оленеводство и рыболовство, охота, некоторые заявили о стремлении развивать народные промыслы и туризм.

В 2003 г. в ЯНАО было создано Государственного учреждения «Объединение по экономическому развитию коренных малочисленных народов Севера». Целью создания была поддержка развития традиционных видов хозяйственной деятельности КМНС, в том числе создание условий для обеспечения занятости и самозанятости лиц, ведущих традиционный образ жизни. По существу это учреждение стало выполнять функции куратора по отношению к общинам. Сферами деятельности были заявлены: подготовка документов для регистрации общин и иных производственных объединений; подготовка и предоставление бухгалтерской и налоговой отчетности; составление планов и расчетов производственно-хозяйственной деятельности; составление инвестиционных и бизнес-проектов; предоставление консультативной помощи, подготовка методических материалов и рекомендаций.

Важным представляется обратить внимание на то, что в 1990-е – начале 2000-х годов общины КМНС на Обском Севере называли родовыми. Затем определение «родовые» стало употребляться реже, более распространенным стало понятие «общины коренных народов». Прилагательное «родовая» по отношению к общине указывало на ее создание по родовому принципу. Однако нужно иметь в виду, что этнологи с трудом реконструируют родовую структуру народов Севера. Ни у обских угров, ни у ненцев род никогда не был хозяйственно-экономической ячейкой. Родовая организация этих народов выполняла в основном брачно-регулирующую и ритуально-культурную функции. А.А. Сирина усмотрела политические причины в распространении терминов «родовая община», «родовые угодья» в Якутии. Их ввели «чтобы подчеркнуть специфику общин с точки зрения традиционности хозяйственных занятий, отличия общин от крестьянско-фермерских и других категорий хозяйств». Немаловажным было и стремление подчеркнуть их особые права на занимаемые территории (Сирина 2010: 73–74). Эти доводы справедливы и по отношению к Северному Приобью.

Общины КМНС неоднородны по составу и структуре, но большинство людей в них связаны той или иной степенью родства или свойства. В ходе этнографических опросов часто обнаруживается, что в общины объединяются братья (родные, двоюродные, троюродные), дяди и племянники и т.п. Родственные связи особенно заметны в общинах оленеводов Ямала. В рыбопромысловых общинах хантов и манси иногда на первый план выступает принцип соседства, когда в общину входят жители одной деревни.

Придя в начале 1990-х годов на смену колхозам и совхозам, общины КМНС разворачивали деятельность при остром социально-экономическом кризисе в стране. В но-

вых рыночных условиях они были в какой-то степени обречены стать одной из форм аборигенного предпринимательства наряду с фермерскими (крестьянскими) хозяйствами. Такое предпринимательство является институциональным, поскольку официально закреплено в своем общественном статусе. Во время полевых исследований автор имела возможность встречаться со многими руководителями и членами общин КМНС, с работниками местных и районных администраций, на территории которых действуют общины, с сотрудниками «Объединения по экономическому развитию коренных малочисленных народов Севера». Все они признавали тот факт, что большинство общин были созданы по инициативе районных властей и ведут свою деятельность не без их помощи. Все общины получают субсидии и дотации на сдачу рыбы, мяса и другой продукции через Отделы по делам КМНС в районах, которые оформляют соответствующие заявки в округа. Между членами одной общины не возникают прочные производственные связи. Каждый ведет промысел, осуществляет выпас оленей, сбор дикоросов самостоятельно или силами семьи. Община, точнее ее руководство в лице председателя, организует прием рыбы, пушнины, оленины, пантов, ягод, орехов и т.д. Закупочные цены при приеме продукции низкие, поэтому и не устраивают рядовых членов. Информанты признают, что уровень доходов общинников невысокий, большинство остаются в общине только потому, что в трудовой книжке членов делается запись о трудоустройстве, что важно при начислении пенсии в будущем. Другой выгоды от нахождения в общине ее члены не находят. Можно сказать, что главная роль у общин КМНС – социальная, что характерно для арктического предпринимательства в целом. Специалисты отмечают, что в Арктике «социальное предпринимательство ориентировано на вовлечение жителей таких районов в более активную экономическую деятельность с целью поднятия уровня жизни» (Пилясов, Замятина 2016: 12).

Опыт общинного предпринимательства аборигенов нельзя назвать успешным. Проблемы, с которыми сталкиваются общины в своей деятельности, схожи в разных хозяйствах, их можно свести к следующим:

- недостаток финансовых средств на развитие;
- недостаток материально-технической базы (автотранспорт, холодильники, складские помещения и т.п.);
- высокие финансовые затраты, связанные с транспортировкой продукции до потребителя;
- низкие закупочные цены на перерабатывающих предприятиях;
- нехватка квалифицированных специалистов;
- трудности при подготовке бухгалтерской отчетности.

Оленеводческие общины обеспокоены тем, что у них нет юридически закрепленных прав на пользование пастбищами и отсутствуют четкие механизмы возмещения ущерба при изъятии участков оленьих пастбищ для строительства промышленных объектов. Сложности в развитии аборигенного предпринимательства на Севере признают ученые-экономисты. По их мнению, развитие общин и в целом аборигенного предпринимательства наталкивается на многочисленные бюрократические и законодательные барьеры, идет очень неустойчиво и вяло (Пилясов, Замятина 2016: 13).

В последние годы общины коренных народов Севера все больше и больше стремятся к расширению сфер деятельности – это изготовление сувениров и развитие этнотуризма. Н.И. Новикова обратила внимание на то, что художественные промыслы могут рассматриваться не только как индивидуальная творческая деятельность,

но и как предпринимательская по производству сувениров, народных костюмов и произведений декоративно-прикладного искусства. (Новикова 2014: 229). Во многих общинах Северного Приобья мастера изготавливают сувениры, шьют национальную одежду и обувь, мастерят нарты и т.д. Члены общин регулярно участвуют в выставках-продажах, ярмарках. В г. Салехард реализацией сувенирной продукции занимается Дом ремесленника, Салон художника. Общины «Ярцанги» и «Нядэна» Надымского района ежегодно участвуют в работе выставки «Северная цивилизация» в Москве. В целом же общины реализуют свою продукцию скорее ситуативно, чем регулярно. Дело в том, что в округах не столь большой рынок сбыта для подобного рода изделий, а создание торговых точек за пределами округов пока остается перспективой на будущее.

Туристическая индустрия в Северном Приобье делает первые шаги. Окружные и районные органы власти уделяют большое внимание развитию туризма через общины коренных народов. Определенный позитивный опыт уже есть. Так, в 2017 г. общий туристический поток в Югре составил 530 тыс. человек, в том числе по этнотурам регион посетили более 15 тыс. туристов. В Ямало-Ненецком округе на протяжении нескольких лет действуют этнографические туристические маршруты: «В кочевья к ненцам», «В стойбище ханты», «Салехард-Лаборовая», «Летнее кочевье», «Зимнее кочевье», «По следам мамонтов». Информация для привлечения туристов размещается на разных сайтах, в том числе Представительства ЯНАО в С-Петербурге². На Ямале, например, в п. Салемал популярен спортивный лов нельмы на спиннинг, в котором активно участвуют работники промышленных нефтегазовых предприятий. Для дальнейшего развития этнотуризма необходимо создание инфраструктуры, предусмотренной индустрией турбизнеса в целом. Пока в общинах нет достаточного снаряжения, не хватает специалистов, плохо организована реклама.

С аборигенным предпринимательством тесно связаны фактории, деятельность которых возобновилась в Северном Приобье в 2000-е годы. Они выполняют важные функции в системе жизнеобеспечения оленеводов-кочевников и жителей отдаленных таежных деревень. Фактория расценивается как интегральная снабженческо-сбытовая структура сельской экономики, которая организует обмен продукции аборигенов на орудия лова, снаряжение, другие товары, а также кредитует оленеводов, охотников и рыболовов под будущую поставку продукции. Они обслуживают оленеводческие бригады, оленеводов-частников, охотников, занимаясь их снабжением продуктами питания и товарами первой необходимости, на них просчитывают поголовье оленей, кроме того через них идет обеспечение связью, распространение периодической печати. На территории фактории обычно имеются магазин, пекарня, кораль, электрогенератор, снегоходы, радиостанция. В будущем планируется организовать на факториях переработку продукции промыслов и оленеводства и наладить бытовое обслуживание, создать мастерские народных художественных промыслов. В ЯНАО функционирует более 50 факторий, в ХМАО-Югре – 10. Фактории принадлежат районным администрациям, потребительским обществам, общинам КМНС, акционерным обществам.

Озабоченность представителей КМНС вызывает то, что на факториях низкие цены на закупку товаров традиционных отраслей хозяйства, в то время как цены на реализуемые товары значительно превосходят рыночные. В связи с этим необхо-

² Подробнее о развитии туризма в ЯНАО см.: *Серебрякова 2016.*

димо установление баланса между закупочными ценами на товары традиционных отраслей, установленными на факториях, и цен на реализуемые товары, пользующиеся спросом у кочевого населения. Помимо этого, нужен контроль за качеством реализуемых продуктов питания, товаров и топлива.

Неформальное предпринимательство: продажа продукции традиционных отраслей

Пожалуй, наиболее острой социальной проблемой коренных народов Севера является высокий уровень безработицы³. Во многих селениях среди аборигенов половина не имеют постоянной работы. Между тем, система традиционного жизнеобеспечения северных народов дает большие возможности для обеспечения самозанятости. Это относится, прежде всего, к оленеводству, в меньшей степени – к рыболовству, поскольку новые правила не позволяют превышать квоты, установленные на вылов. Кроме того, действует запрет на добычу ценной обской рыбы муксуна, пользующейся большим спросом.

Специалисты отмечают, что с 1991 г. более двух третей оленьего поголовья ЯНАО приходится на личные хозяйства населения и ведущую роль в оленеводстве играют частники (*Клоков, Хрущев* 2004: 62, 64). Это около 3 тыс. семей, более 16 тыс. человек. Они нигде не трудоустроены и живут на полном самообеспечении за счет продажи оленьего мяса и рыбы. По сути, они занимаются предпринимательской деятельностью, которая официально не оформлена. Такими же незаконными предпринимателями являются и рыболовы, проживающие в ЯНАО и ХМАО-Югре. Назвать их численность невозможно, поскольку никакому учету такого рода бизнес не поддается.

С 1990-х годов коренное население Обского Севера использует разные практики сбыта продукции традиционных отраслей: сбыт на предприятиях (рыбозаводы, ОАО, ООО), продажа приезжающим на Север частным предпринимателям; самостоятельная торговля в городах и крупных поселках⁴.

Утверждение в стране рыночных отношений в 1990-е годы способствовало коммерциализации разных сфер жизни в северных поселках. Особенно наглядно это проявилось в различных практиках реализации рыбы и оленьего мяса. Полевые исследования показывают, что в условиях экономического кризиса и дефицита денежной массы на Севере широко распространились бартерные сделки. Аборигены оказались активно втянутыми в этот процесс. Неконтролируемый сбыт рыбы, прежде всего ценных пород – муксуна, нельмы – приобрел гигантские масштабы в Северном Приобье. Торговым эквивалентом, как когда-то в дореволюционное время, вновь стал муксун, получивший статус «сибирской валюты». За счет нелегальной продажи этой ценной рыбы аборигены приобретали лодочные моторы, снегоходы, а в тех районах, где существовали дороги с твердым покрытием, даже автомобили. В тундровой зоне огромные масштабы приобрел сбыт оленьих пантов. В июне-июле в тундру направлялись целые десанты разного рода коммерсантов, скупавшие это ценное сырье. Они привозили с собой продукты питания и товары, пользующиеся спросом у оленеводов: бензин, дизель-генераторы, одежду.

³ О проблемах безработицы в ЯНАО см.: *Василькова, Евай и др.* 2011: 98–102; Российская Арктика... 2016: 109–115.

⁴ Подробнее и сбыте продукции традиционных отраслей хозяйства см.: *Мартынова* 2018: 705–715.

Бартер не ушёл с Обского Севера и поныне, хотя экономическая ситуация в регионе, как и в стране, стабилизировалась, а заработная плата вновь стала выплачиваться в денежной форме. Бартер по-прежнему практикуется в сделках между представителями коренных народов и временно приезжающими на Север людьми. В условиях интенсивного промышленного освоения Ямала оленеводы часто прибегают к бартеру при контактах с вахтовиками на буровых станциях, обменивая рыбу и мясо на бензин и продукты питания. Для оленеводов бартер удобен тем, что можно «сразу и здесь» получить необходимое, прежде всего, горючее (бензин и газоконденсат). В таком бартере акторы заинтересованы одинаково: тундровикам выгодно «затовариваться» бензином и продуктами, не преодолевая огромных расстояний до поселков или факторий, а вахтовики имеют возможность получить свежие продукты питания и тем самым разнообразить «столовский» пищевой рацион во время вахты. Кроме того, они закупают рыбу как подарок родным и близким на «большой земле».

Неформальная торговля с «газовиками» и «нефтяниками» приносит оленеводческим семьям существенные доходы. Информанты говорят: «Сейчас у всех своя клиентура. Прямой товарообмен хорошо налажен. Без этого мы не сможем жить». Тундровые оленеводы Ямала стремятся сбывать мясо и рыбу на одних и тех же буровых станциях. Один из наших информантов заметил: «Сейчас у каждого чума есть свой вахтовик». На эту сторону бартерного обмена обратил внимание К. Хамфри: бартер повторяется с одним и тем же партнером, требует доверия и устойчивых социальных связей (Humphrey 2000: 75). Х. Шрадер отмечал, что между участниками сделок возникают особые отношения, которые он назвал «торговые партнерства». «Такие партнёрства возникают в рамках торговли на дальние расстояния, представляющей собой очень рискованное мероприятие на незнакомой местности, которое предполагает контакт с культурно и социально отличными людьми. В этих условиях торговое партнерство сокращает для продавцов риск быть обманутыми. Сохранение такого рода партнерства бывает зачастую важнее, нежели получение высоких прибылей» (Шрадер 1999: 116).

Аборигены Северного Приобья освоили выездную торговлю. В зимний период рыболовы из поселков и деревень, а оленеводы из тундровых стойбищ доставляют рыбу, мясо в районные центры и крупные поселки на собственных снегоходах. С товаром располагаются у рынков, супермаркетов, где больше покупателей. При такой мелкорозничной торговле рыба и мясо продаются по приемлемым для продавцов ценам, выгодным и покупателям. Нередко выездная торговля приурочивается к праздникам (Новый Год, 23 февраля, 8 марта, День оленевода). Она является незаконной, т.к. продавцы не зарегистрированы как частные предприниматели, не платят налоги. Многие продавцы-аборигены формируют устойчивые клиентские сети: «У меня в мобильнике много телефонов друзей. Они мне звонят, когда рыба нужна. Я тогда еду. Или они приезжают».

Продавать мясо и рыбу в городах и на буровых станциях стало возможным с появлением у коренных жителей собственного транспорта – снегоходов. По сравнению с оленьей упряжкой, снегоход более скоростной. Д.В. Арзютов указал на то, что появление снегоходов в частной собственности у ненцев значительно изменило ненецкую экономику, выведя бензин на первое место в числе эквивалентов в цепочках обменов (Арзютов 2017: 323–324).

По сравнению с рыболовством и оленеводством, охотничий промысел не имеет ярко выраженной коммерческой направленности на Обском Севере. Это можно объ-

яснить низким спросом на пушнину и низкими закупочными ценами. В то же время некоторые охотники говорили, что на сбыте шкур пушных животных можно заработать не хуже, чем на рыбе.

Предпринимательство аборигенов во многом основывается на отношениях взаимопомощи, эгалитарности и реципрокности (Новикова 2017: 117). В аборигенном неформальном бизнесе обнаруживаются разные виды реципрокности. Так, в бартерных и торговых сделках между представителями коренных народов и временно приезжающими на Север людьми усматривается сбалансированная реципрокность. Она менее «личностна», поскольку стороны вступают во взаимодействие как носители далеких друг от друга экономических и социальных интересов. Материальная сторона трансакций столь же важна, как социальная, поскольку акторы одинаково заинтересованы в торговле или обмене. Негативная реципрокность на Севере – это сбыт продукции традиционных отраслей хозяйства заезжим «коммерсантами». При такой торговле участники вступают во взаимодействие как носители противоположных интересов, и каждый из них стремится достичь максимальной выгоды. Сбыт продукции частным предпринимателям выступает как наиболее обезличенная форма торговли и обмена, стороны не стремятся налаживать устойчивые связи, ориентируются только на получение выгоды.

Выводы

Представленные в статье материалы показывают, что в Северном Приобье развиваются два вида аборигенного предпринимательства – институциональное и неформальное. Первое представлено общинами КМНС (родовыми или территориальными) и фермерскими крестьянскими хозяйствами. В их организации заметна социальная направленность: общины, прежде всего, являются местом работы для рыболовов и оленеводов. Общинное предпринимательство поддерживается органами власти на окружном и районном уровнях через систему субсидий и грантов. Доходы большинства общинников невелики, что вынуждает их искать дополнительные возможности для заработка. Структура общин КМНС во многом основывается на родственных связях.

Неформальное аборигенное предпринимательство стихийно возникло в кризисные 1990-е годы и до сих пор не сдает своих позиций, поскольку обеспечивает основной доход семьям оленеводов-частников и рыболовов. В результате такого аборигенного бизнеса формируются довольно устойчивые клиентские сети, способствующие социальной интеграции местных сообществ. Такое предпринимательство приносит более высокие доходы, по сравнению с узаконенным формальным, несмотря на отсутствие поддержки «сверху» от властей. Это во многом способствует его устойчивости в северных суровых условиях, где рынок сбыта невелик. Риск быть обманутыми не является препятствием для развития подобного бизнеса.

Границы между институциональной и неформальной экономикой на Севере проницаемы и подвижны. Оленевод-частник может быть членом родовой общины, а после выполнения минимальной нормы сдачи продукции традиционных отраслей выступать как самостоятельный бизнесмен, реализуя продукцию через своих клиентов или приезжих коммерсантов. То же самое можно сказать про членов рыболовецких общин. Переплетение институционального и неформального предпринимательства образует сложную сеть социально-экономического взаимодействия в местных сообществах.

Источники

Полевые материалы автора, ЯНАО, 2012 г.
Полевые материалы автора, ХМАО-Югра, г.
Полевые материалы автора, ЯНАО, 2002 г.
Полевые материалы автора, ХМАО-Югра, г.
Полевые материалы автора, ЯНАО, 2008 г.
Полевые материалы автора, ЯНАО, 2011 г.
Полевые материалы автора, ЯНАО, 2013 г.
Полевые материалы автора, ХМАО-Югра, 2017 г.

Литература

- Арзютов 2017 – Арзютов Д.В. *Олени и/или бензин: эссе об обменах в северо-ямальской тундре* // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. СПб: МАЭ РАН, 2017. С. 314–348.
- Василькова и др. 2011 – Василькова Т.Н., Евай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. *Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе)*. Москва; Шадринск: изд-во ОГУП «Шадринский дом печати», 2011. 268 с.
- Гордеев 2001 – Гордеев А. *За эффективное агропроизводство и качественную продукцию* // АПК: экономика, управление, 2001. № 5. С. 5–14.
- Клоков, Хрущев 2004 – Клоков К.Б., Хрущев С.А. *Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России: информационно-аналитический обзор*. Т. 1. СПб: ВВМ, 2004. 182 с.
- Мартынова 2018 – Мартынова Е.П. «Куда рыбу и мясо сдаёте?»: экономические практики на Обском Севере // *Вестник угроведения*, 2018. Т. 8. № 4. С. 705–715.
- Новикова 2014 – Новикова Н.И. *Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии*. М.: Наука, 2014. 407 с.
- Новикова 2017 – Новикова Н.И. Коллективное право коренных народов на самобытное развитие: культурная ценность или конфликт интересов // *Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики. Сб. науч. трудов* / отв. ред. Ю.В. Попков, И.С. Тарбастаева; ИФПР СО РАН. Новосибирск: Изд-во «Манускрипт», 2017. С. 110–120.
- Передовая практика и вызовы 2017 – *Передовая практика и вызовы, включая дискриминацию, в предпринимательской деятельности и в области доступа коренных народов, в особенности женщин и инвалидов из числа коренных народов, к финансовым услугам*. Исследование, подготовленное Экспертным механизмом по правам коренных народов, Совет по правам человека, 36 сессия, 11–29 сентября 2017 года. Доступ: <http://www.undocs.org/ru/a/hrc/36/53>.
- Пилясов, Замятина 2016 – Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Арктическое предпринимательство: условия и возможности развития // *Арктика: экология и экономика*, 2016. № 4 (24). С. 4–15.
- Тишков 2016 – Тишков В.А. (под ред.) *Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение* М., СПб: Нестор-История, 2016. 272 с.
- Российский статистический ежегодник 1994 – *Российский статистический ежегодник*. М.: Госкомстат России, 1994. 799 с.
- Серебрякова 2016 – Серебрякова Р.В. *Развитие этнографического туризма в Ямало-Ненецком автономном округе. Проблемы привлечения иностранных туристов* // *Universonum: Общественные науки: электрон. научн. журнал*, 2016. № 12 (30). Доступ: <http://universonum.com/ru/social/archive/item/4044>
- Сирина 2010 – Сирина А.А. *От совхоза к родовой общине: социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века*. М.: ИЭА РАН, 2010. 185 с.
- Сирополис 1997 – Сирополис Н.К. *Управление малым бизнесом*. М.: Дело, 1997. 672 с.
- Федорова 2010 – Федорова Е.Г. *Национальные общины средней Сосьвы и их создатели* // *Этно-*

- культурное наследие народов Севера России: К юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой / отв. ред. Е.А. Пивнева. М.: ООО «Август Борг», 2010. С. 203–210.
- Шрадер 1999 – Шрадер Х. *Экономическая антропология*. СПб: Петербургское Востоковедение, 1999. 192 с.
- Humphrey 2000 – Humphrey C. *An Anthropology View of Barter in Russia // The Vanishing Rouble: Barter Networks and Non-Monetary Transactions in Post-Soviet Societies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 71–90.

References

- Arzyutov, D.V. 2017. Oleni i/ili benzin: esse ob obmenax v severo-yamalskoj tundra [Deer and/or gasoline: an essay on the exchanges in the North of the Yamal tundra]. In *Socialnye otnosheniya v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri*, 314–348. St. Petersburg: MAE RAN.
- Fedorova, E.G. 2010. Nacionalnye obshhiny srednej Sosvy i ix sozdateli [National community middle Sosva and their creators]. In *Etnokulturnoe nasledie narodov Severa Rossii: K yubileyu doktora istoricheskix nauk, professora Z.P. Sokolovoj*, edited by E.A. Pivneva, 203–210. Moscow: ООО «Август Борг».
- Gordeev, A. 2001. Za effektivnoe agroproduzvodstvo i kachestvennyuyu produkciyu [For effective agricultural production and quality products]. *APK: ekonomika, upravlenie* 5: 5–14.
- Humphrey, C. 2000. An Anthropology View of Barter in Russia. *The Vanishing Rouble: Barter Networks and Non-Monetary Transactions in Post-Soviet Societies*, 71–90. Cambridge: Cambridge University Press.
- Klovok, K.B., S.A. Xrushhev. 2004. *Olenevodcheskoe xozyajstvo korenny`x narodov Severa Rossii: informacionno-analiticheskij obzor* [Reindeer husbandry of the indigenous peoples of the North of Russia: information and analytical review]. Vol. 1. St. Petersburg: BBM. 182 p.
- Martynova, E.P. 2018. «Kuda rybu i myaso sdayote?»: ekonomicheskie praktiki na Obskom Severe [«Where do you sell fish and meat?»: economic practices in the Ob North]. In *Vestnik ugrovedeniya* 4: 705–715.
- Novikova, N.I. 2014. *Oxotniki i neftyaniki: Issledovanie po yuridicheskoy antropologii* [Hunters and oil workers: the Study in legal anthropology]. Moscow: Nauka.
- Novikova, N.I. 2017. Kollektivnoe pravo korennyx narodov na samobytnoe razvitie: kulturnaya cennost' ili konflikt interesov [The collective right of indigenous peoples to the distinctive development: cultural values or conflict of interests]. In *Kollektivnye prava etnicheskix soobshhestv: problem teorii i praktiki*, edited by Yu.V. Popkov, I.S. Tarbastaeva; IFPR SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo «Manuskript».
- Peredovaya praktika i vyzovy, vklyuchaya diskriminaciyu, v predprinimatel'skoj deyatel'nosti i v oblasti dostupa korennyx narodov, v osobennosti zhenshhin i invalidov iz chisla korennyx narodov, k finansovym uslugam* [Best practices and challenges, including discrimination, in business and access to financial services for indigenous peoples, in particular indigenous women and persons with disabilities]. Issledovanie, podgotovlennoe E`kspertny`m mexanizmom po pravam korenny`x narodov, Sovet po pravam cheloveka, 36 sessiya, 11–29 sentyabrya 2017. <http://www.undocs.org/ru/a/hrc/36/53>.
- Pilyasov, A.N., N.Yu. Zamyatina. 2016. Arkticheskoe predprinimatel'stvo: usloviya i vozmozhnosti razvitiya [Arctic enterprise: the conditions and possibilities of development]. *Arktika: e`kologiya i e`konomika* 4: 4–15.
- Rossijskij statisticheskij ezhegodnik* [Russian statistical yearbook] 1994. Moscow: Goskomstat Rossii.
- Serebryakova, R.V. 2016. Razvitie etnograficheskogo turizma v Yamalo-Neneczkom avtonomnom okruge. Problemy privlecheniya inostrannyx turistov [Development of ethnographic tourism in the Yamal-Nenets Autonomous district. Problems of attracting foreign tourists] *Universum: Obshhestvenny`e nauki: e`lektron. nauchnyi zhurnal* 12 (30). <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4044>.

- Shrader X. *Ekonomicheskaya antropologiya* [Economic anthropology]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999.
- Sirina A.A. 2010. *Ot sovhoza k rodovoj obshhine: socialno-ekonomicheskie transformacii u narodov Severa v konce XX veka* [From the state farm to the tribal community: socio-economic transformation of the peoples of the North in the late twentieth century]. Moscow: IEA RAN.
- Siropolis N.K. 1997. *Upravlenie malym biznesom* [Small business management]. Moscow: Delo.
- Tishkov V.A. Ed. 2016. *Rossijskaya Arktika: korennye narody i promy shlennoe osvoenie* [Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Vasilkova, T.N., A.V. Evaj, E.P. Martynova, and N.I. Novikova. 2011. *Korennye malochislennye narody i promy shlennoe razvitie Arktiki (Etnologicheskij monitoring v Yamalo-Neneczkom avtonomnom okruge)* [Indigenous peoples and industrial development of the Arctic (Ethnological monitoring in the Yamal-Nenets Autonomous district)]. Moscow; Shadrinsk.

Elena P. Martynova. Aboriginal entrepreneurship in the Northern Ob region

The article deals with the history of the development of entrepreneurship in the Northern Ob region among the Nenets, Khanty and Mansi. The author calls it «aboriginal» meaning that it as an economic activity that makes profit from the works directly related to the traditional sectors of the economy of the indigenous North peoples or from sale of products of economy. The article is based on the author's field materials obtained during many years of field research (2000, 2002, 2003, 2008, 2011, 2013, 2017 years) in different areas of Khanty–Mansi Autonomous Okrug and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug.

It was found that two types of aboriginal entrepreneurship are developed in the Northern Ob region: institutional and informal. The first is represented by communities (either tribal or national) of indigenous people and farms. Their organization is socially oriented: communities are primarily a place of work for fishermen and reindeer herders. Community entrepreneurship is supported by the authorities of the district and the Okrug through a system of grants. The income of most community members is low, forcing them to seek additional income opportunities. The structure of communities of indigenous people is based on family ties.

Informal aboriginal entrepreneurship spontaneously emerged in the crisis of the 1990-s and still does not give up its position. It provides the main income to families of private reindeer herders and fishermen. As a result of this aboriginal business quite stable client networks are formed that contribute to the social integration of local communities. Such entrepreneurship brings higher incomes, compared with the legalized formal ones, despite the lack of support from the “top” of the authorities. This largely contributes to its stability in the harsh northern conditions, where the market is small. The risk of being deceived is not an obstacle to the development of such business.

The boundaries between institutional and informal economies in the North are penetrable and fluid. A private reindeer herder can be a member of the family community, and after delivering the minimum rate of products traditional industries can act as an independent businessman, selling products through his customers or visiting merchants. The same can be true for members of fishing communities. The interweaving of institutional and informal entrepreneurship forms a complex network of social and economic interaction in local communities.

Keywords: *indigenous peoples of the North, aborigines, Northern Ob region, economy, entrepreneurship, tribal communities, sales.*